

«Параджанов подделывал мой автограф на туфельках и устраивал аукционы»

Майя Плисецкая впервые рассказывает, как она 25 лет назад оповестила мир о досрочном освобождении знаменитого кинорежиссера из украинского лагеря

Гагик КАРАПЕТИЯН,
«Новые Известия»

Долго не решался позвонить Майе Михайловне: почему-то внял прогнозу племянника Сергея Иосифовича — Гарика Параджанова (он же — Хачатуров, он же — Анин): «Плисецкая ничего путного не расскажет». Действительно, ни в мемуарах «Я — Майя», ни в воспоминаниях классиков параджановы (Василий Катанян-младший, Вениамин Смехов, Алла Демидова...) нет ни строчки о ее общении с Параджановым.

Наконец, решился позвонить на Тверскую, где домашняя помощница Майи Плисецкой и Родиона Шедрина, любезно продиктовав номер мюнхенского факса, посоветовала загодя переслать им письмо с вопросами и координатами. Спустя пару-тройку недель услышал длинные трели телефона — Майя Михайловна согласилась: удобнее беседовать по телефону.

— Могли бы вы вспомнить, когда и при каких обстоятельствах познакомились с Сергеем Иосифовичем?

— Я встречалась с ним немногим. Но всякое общение с Параджановым оказалось замечательным и интересным. Кроме того, его персона весьма часто становилась темой разговоров в доме Лили Брик, принимавшей огромное участие в его драматической судьбе. Помню, она показывала мне лагерные работы Параджанова: вылепленные из хлебных мякишев и расписанные в диковинные цвета кролики, слоники... Лили читала вслух его занятнейшие письма из тюрьмы. Помню, как она уговаривала, заставляла Луи Арагона стучаться в высокие партийные двери Москвы, вплоть до Брежнева, с требованием об освобождении Параджанова. Еще помню, как Сергей Иосифович, вывезденный из тюрьмы при содействии Лили, даже не позвонил ей, оказавшись на свободе, не сказал обычного «спасибо»...

— Когда впервые увидели Параджанова?

— Я танцевала в Тбилиси в конце 60-х и была приглашена к нему в гости. Сергей Иосифович готовился к нашей встрече отменно. Помни высокую деревянную лестницу во дворе, которая вела на открытую террасу. Там стояли вазы с краивыми, листьями винограда... При входе на балкон нас встречал молодой парень, разраженный в суптане и с подносом фруктов в руках. И он не дышал, ибо был «превращен» в статую. Тот парень светил чтил Параджанова, выручившего его из беды. «Он — вор», — громко объявил мне Сергей Иосифович. Всезда горели свечи, на стенах висели коллажи, на полу лежали старые, разноцветные ковры в заплатках, которые он сам делал. Хотя Параджанов уверил: на них спал какой-то Мухаммед Пятнадцатый.

Сергей Иосифович нередко присыпал мне в Москву подарки — самодельные ожерелья из сушенных фруктов и овощей, халат венской давности, вязаное полотенце, красные шелпанцы с задранными носами (их носил якобы некий султан или тот же Мухаммед Пятнадцатый). Параджанов был невероятным фантазером. При его безднеке то были настоящие художественные произведения. Причем он все делал собственноручно.

Тогда же Параджанов попросил подписать мои балетные туфли. И почему-то попросил сразу три пары. А у меня их было с собой много — я танцевала в столице Грузии не один день, поэтому имелся запас. Получив эти подарки, он был абсолютно счастлив. Все было замечательно, но потом он продал туфельки коллекционеру. После чего на вырученные деньги устроил пир.

— Естественно, с вашим участием?

— Нет. Все происходило после моего отъезда. Позже, когда он в очередной раз обнинил, где-то доставал балетные туфли, сам подписывал «Майя Плисецкая» и устраивал аукционы.

У Параджанова была замечательная идея, которую не удалось осуществить: он мечтал поставить фильм «Рыжий Демон». Чтобы я играла Демона. Причем обязательно рыжего, как я (смеется). Представляю, как это было бы здорово!

Это малоизвестно, но я знаю точно: он подал в наше правительство прошение о своей эмиграции в Иран. Собственно, это и есть, на мой взгляд, главная причина на его последующих невзгод.

— Интересно высушивать вашу версию «технологии» освобождения Параджанова из украинских лагерей...

— Рассказываю все, что знаю о нем.

Поэтому не фантазирую в отличие от Сергея Иосифовича. О его освобождении из украинского лагеря в конце 1977 года мне сообщил Арагон. Он был на правительственный конгрессе, где присутствовал Брежнев. В антракте Арагон зашел в мою гримуборную: «Параджанов будет освобожден!». Значит, Арагон договорился с Брежневым.

Арагон говорил по-русски. Но иногда он делал вид, что немного глуховат. Эльза Триоле говорила: когда Арагон не хочет о чем-то знать, он не слышит. Когда он передал мне радостную весть, я была в полном восторге.

— Вы были знакомы с Арагоном наверняка через Брик?

— Я у Арагона и его жены Эльзы Триоле, сестры Лили, жила месяц в Париже. Когда в 1961 году проходили мои первые гастроли в «Гранд-Опера».

Гранаты и шляпы из листьев — любимое обрамление коллажей и эскизов Параджанова.

— По сути, вы первая узнали о долгожданном освобождении Параджанова. С кем прежде всех поделились сенсационной весточкой от Арагона?

— После спектакля сразу позвонила Лиле. Еще раз подчеркну: Эльза и Лили здорово давили на Арагона. Он этого бы не стал делать.

— Более того, Катанян-младший рассказал: Арагон, объявивший бойкот Кремлю после ввода советских войск в Чехию, в Москву приехал не по случаю получения ордена Дружбы народов, а ради встречи с Брежневым, чтобы попросить об освобождении Параджанова.

— Очень возможно. Ибо Лили по телефону сильно «нашиговывала» Арагона. Но об этом могу догадываться, ибо Арагон не только знал и о Параджанове, и о том, что случилось с ним.

— Как считаете, Параджанов был патологически не любил властями Украины или ту опалу сам спровоцировал?

— Наверное, и то, и другое. Но то, что он лез на рожон, абсолютно верно. Ведь попросить визу, и не просто визу, а захотеть эмигрировать в Иран — кто бы додался в те годы?

— Не от хорошей жизни Параджанов решил покинуть родную страну?

— Думаю, от хорошей жизни никто этого не делал. А Параджанов был маленько сумасшедший, но очень талантливый.

— Майя Михайловна, говорят: все гении немного сумасшедшие?

— И да, и нет. Не все (смеется).

— Чувствовали ли вы некий заговор, задуманный где-то в «верхах» против Параджанова?

— По-моему, подобное суждение все-таки преувеличение. Он сам на это лез. Особенно «старался» его язык, поведение. Он умышленно делал все, что нельзя. Все, за что может «нагореть».

— Получается, выдающиеся фильмы Параджанова («Цвет граната», «Тени застывших предков»), его коллажное зрение вызывали боязнь у советского государства?

— Оно боялось всего. Государство запретило такую невинную вещь, как мою «Кармен-сюиту». Вместо второго (по счету) спектакля в Большом поставили «Щелкунчика». Если столь маленькие и мальчишеские вещицы запрещали, представляется, что вытворял Параджанов. И как они могли смотреть на это сквозь пальцы. Они арестовывали безвинных людей.

— Удалось ли увидеть Параджанова по-сле лагерей?

— Нет. Я уже не приезжала в Тбилиси, а он не жил в Москве.

— Из того, что знаете и слышали о нем, 15 лет молчания Параджанова — результат его лагерно-тюремных скитаний?

— И да, и нет. Он всегда хотел делать то, что не разрешалось, и делал то, что запрещалось. Что значит «15 лет молчания»? Ему все равно ничего не дали делать, даже если бы он открыл рот.

— Годы молчания сломали-таки Параджанова?

— Не уверена. Думаю, если бы ему дали возможность работать, он бы натворил что-нибудь очень интересное.

— Знаете, Параджанов говорил Тарковскому (и не только ему): «Андрей, тебе нужно посидеть в тюрьме, хотя бы год...». На ваш взгляд, что имел в виду Параджанов?

— Жизнь за решеткой — большая школа. Насколько мне известно, он хотел снять свой фильм о лагерной жизни. И понимал, что ему не дадут это сделать.

— Вы правы. Параджанов в разговоре с Гурэром признался, что задумал 4 сценария на лагерные темы. Один из них хотел подать Гурэру, но тот отказался... В конце концов Параджанов, будучи тяжелобольным, надиктовал сценарий для Ильенко, который снял фильм «Лебединое озеро. Зона». Почему Параджанов так и не смог вернуться к лагерной тематике?

— Параджанов в конце концов понял: ему уже ничего не дадут делать.

— Не предполагаете, что у таких Мастеров, как Параджанов, имелась некая

Поведение Параджанова на киносъемках — неповторимы и забавный театр.

Сергей Параджанов не только мечтал, чтобы Плисецкая сыграла главную роль в фильме «Демон», но и подготовил эскизы для ее костюмов.

планка качества и постоянный страх девальвации своего реноме — мол, каждая их новая работа может оказаться ниже вершин, которые они прежде с трудом преодолели?

— Не знаю. Но такой человек, как Сергей Иосифович, вряд ли имел чувства страха.

— Вы видели его лагерные работы и письма, которые Параджанов присыпал Лили Юрьевне. Он однажды написал: «Я оставил свою энергию в тюрьме, где стал художником». И Параджанов привез «оттуда» ни мало — 800 работ! Кино-режиссер Балаян считает, что все цифры Параджанова нужно делить минимум на четыре: мол, за решеткой никто никому не позволил бы создавать творческую мастерскую. Ваше мнение по этому поводу?

— Но ведь все эскизы чего-то делали. Самое главное — ему не разрешали фильмы снимать. Он и не снимал. А лепить куклы ему не возбранялось.

— У вас остались подарки от Параджанова?

— Нет. Был ремонт, переезд. Пропали письма, документы, фотографии. Я дала одному журналисту пару тяжелых чемоданов моего архива, чтобы донести в ГГАЛИ. А он оставил их у себя дома, где случился пожар. Потому что он пьяница и курильщик.

— Когда гостили в Тбилиси, не фотографировались с Параджановым?

— Нет. Тогда у нас не модно было делать фотографии, как сейчас.

— Слушаем вы не знакомы с Шеварднадзе?

— Знакома. А что?

— Когда Шеварднадзе руководил Грузией в начале 80-х, Параджанов просидел 11 месяцев в тбилисской тюрьме, а освобожден был из зала суда под давлением творческой интеллигенции Грузии, России, дру-

гих стран. Как бы вы «расшифровали» двойную роль Шеварднадзе в данном контексте?

— Думаю, на Эдуарда Амвросьевича и сначала «надавили» («посади Параджанова!»), а потом еще раз «надавили» («отпусти Параджанова на свободу!»).

— Шеварднадзе в ходе беседы для «Новых Известий» три года назад дал понять: в «деле» Параджанова он имел противостояние с КГБ.

— В том-то и дело. Думаете, Шеварднадзе было легко? Человек он умный, понимающий, знающий, прошедший огонь, воду и медные трубы.

— Коммунистический режим, делая из таких людей, как Параджанов, своих жертв, в определенной степени способствовал популяризации подобных личностей, даже мифов о них. Неужели в агитпропах Москвы, Киева, Еревана и Тбилиси не пользовались куклами?

— Там очень многое не понимали. Поэтому что, кроме абсурда, ничего не делали: не выпускали людей за границу, делали себе карьеру, запрещали все и вся... Но они очень многим это сделали. Начиная с 17-го года.

— С началом «эпохи Горбачева» Параджанов, по собственному выражению, «просидевший три пятилетки в ГУЛАГе», стал постоянно выезжать в капиталисты (за полгода в 4 государства!), где нередко заявлял: «Я — экспонат перестройки». В чем был замысел Кремля (если он имелся) по отношению к Параджанову?

— Тут не в нем было дело. Горбачев хотел всему миру показать, какой он хороший, как он сломал Берлинскую стену, как он отпустил на все четыре стороны Параджанова, других узников режима... На деле Горбачев делал себе карьеру, или, как сейчас принято говорить, заботился о своем рейтинге и дома, и за рубежом.

— А «Биология власти» — замечательная находка!

— Я нечаянно сказала.

— Недавно отмечали юбилей Большого 225 лет: награждали даже контролеров, а вас не было в Москве... Было грустно и мерзко одновременно.

— Спасибо, но мне там нечего было сказать (смеется). Но до этого не менее замечательно отметили мой юбилей. Лучшего себе уже не пожелаю.

МАТАЛЬЯ ГОРДИНОВА